

О. В. Кудрявцев

ВТОРЖЕНИЕ КОСТОВОКОВ В БАЛКАНСКИЕ ПРОВИНЦИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Вторжение племени костовок в балканские провинции Римской империи до сих пор не пользуется в историографии тем вниманием, которого оно заслуживает. Между тем проникновение небольшого варварского племени, беспрепятственно прошедшего через несколько провинций на территорию Аттики, в самое сердце античной цивилизации, представляет выдающийся интерес, проливая новый свет на положение Римской империи в 70 гг. II в.

В науке сравнительно прочно укоренилось представление о «золотом веке» Антонинов. Нет никакого сомнения в том, что период ранней империи, в особенности первая половина II в., был периодом последнего расцвета античного мира, периодом, когда античное рабовладельческое общество, распространившееся по обширной территории варварских земель, объединенных под властью Рима, в последний раз смогло развернуть свои силы на базе рабовладельческого способа производства. «Процветание провинций» при Антонине Пии отмечено М а р к с о м в «Хронологических выписках»¹. Но в то же время обострившиеся внутренние противоречия подтачивали самые корни рабовладельческого общества Римской империи. Противоречия между рабовладельцами и рабами, между богатыми и бедными в городах, между крупным землевладением и крестьянством в деревне, между постепенно разоряющимися мелкими производителями и возрастающим гнетом государства, между возникающими на варварских территориях античными городами и экспроприруемыми местными жителями с неизбежностью должны были привести к тому, что процветание империи сменилось ее кризисом. За «золотым столетием» пришел кризис III в., нанесший решительный удар общественному строю античного мира.

Кризис III в. начинается с эпохи Северов, однако элементы нарастающего кризиса появляются уже во второй половине II в. В нашей науке уже сделаны первые шаги по изучению подготовки кризиса III в. в период правления Антонинов. В. С. С е р г е е в в своих «Очерках по истории древнего Рима» дает общий обзор социальных движений II в.² Н. А. М а ш к и н в своей «Истории древнего Рима» весьма тщательно отмечает все самые скудные известия о социальных движениях эпохи

¹ К. М а р к с, Хронологические выписки, АМЭ, V, 1938, стр. 6.

² См. В. С. С е р г е е в, Очерки по истории древнего Рима, II, 1938, стр. 528—532.

Антонинов, подчеркивая важность их для общей оценки положения Римской империи в это время¹. С. И. Ковалев в своем общем курсе выделяет правления Марка Аврелия и Коммода в особую главу, непосредственно предшествующую главам, относящимся к кризису III в.; «конец Антонинов» как бы составляет переход к общему кризису империи². А. Б. Ранович в своей специальной монографии затрагивает вопрос о народных движениях в восточной половине империи³. Наконец, А. Д. Дмитриев в ряде статей рассматривает социальные движения времени Антонинов и стремится показать связь варварских нашествий с движением угнетенных слоев населения внутри империи⁴. Выяснение различных сторон подготовки кризиса III в. в период правления Антонинов должно способствовать пониманию общих путей развития империи в эпоху начинающегося ее упадка.

Исследования советских историков показали, что варвары вне империи и низшие слои провинциального населения внутри империи оказались естественными союзниками в борьбе против римского владычества; «неримляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»⁵. Нужно, однако, заметить, что начальная стадия этого объединенного наступления варваров против Рима недостаточно еще исследована. Первым этапом этого наступления следует считать проникновение варваров в Северную Италию и многолетнюю борьбу на границах империи, то на ее территории, то за ее пределами, между римскими легионами и воинственными полчищами германцев и сарматов, известную под именем Маркоманских войн (166—175; 178—180). Одним из эпизодов этого первого этапа было нашествие костобокков. Хотя оно и не было наиболее грозным из варварских нашествий этого времени, так как римским войскам удалось сравнительно легко вытеснить костобокков из пределов империи, тем не менее оно представляет большой интерес во многих отношениях. Во-первых, костобоки, разрушившие храм мистерий в Элевсине, проникли на территорию империи дальше, чем какое-либо другое варварское племя до великих варварских нашествий середины III в.⁶; во-вторых, нашествие костобокков распространилось на восточные провинции Балканского полуострова — Нижнюю Мезию, Фракию, Македонию и Ахайю, территория которых не была затронута другими варварскими вторжениями этого времени; в-третьих, нашествие костобокков показывает, насколько слабо была организована оборона внутренних, не пограничных, провинций и какие усилия употребляла империя для того, чтобы добиться победы над врагами на основном театре военных действий, обнажая другие границы; наконец, нашествие костобокков и обстоятельства, с ним связанные, проливают некоторый свет на передвижения, происходившие в варварском мире в середине II в. Таким образом, нашествие костобокков представляет несомненный интерес и для историка империи и для исследователя древней истории Балканского полуострова и сопредельных стран, а также для историка СССР, поскольку первоначальные места обитания костобокков находились к востоку от Карпат.

¹ См. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1949, стр. 490—497.

² См. С. И. К о в а л е в, История Рима, 1948, стр. 635—638.

³ См. А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., 1949, стр. 14 сл., а также применительно к отдельным провинциям.

⁴ См., например, А. Д. Д м и т р е в, Буколы, ВДИ, 1946, № 4, стр. 92—100; он же, Падение Дакии (К вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров), ВДИ, 1949, № 1, стр. 76—85.

⁵ И. В. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1947, стр. 432.

⁶ За исключением, быть может, вторжения бастарнов в провинцию Азию, вопрос о котором, однако, недостаточно ясен.

Известия литературных источников о вторжении костобоков в провинции империи чрезвычайно скудны. Из современников о нем упоминают только Элий Аристид и Павсаний. Первый посвятил нашествию костобоков свою «Элевсинскую речь», в которой он скорбит о разрушении варварами элевсинского храма как о событии, которое должно поразить весь эллинский мир¹. Известие Павсания касается лишь одного сравнительно незначительного эпизода в нашествии костобоков, но зато оно более определено. В X книге своего сочинения Павсаний говорит: «Бывший же при мне набег разбойничающих костобоков на Элладу затронул и Эллатею; именно здесь муж Мнесибул собрал вокруг себя лох из мужей и, убив многих из варваров, пал в битве. Этот Мнесибул одержал несколько побед в беге и, между прочим, в двести тридцать пятую олимпиаду [в 161 г.] победу на стадии и в двойном беге со щитом» и т. д. (Paus., X, 34, 5). Кроме Аристида и Павсания имя костобоков из современников упоминают также Птолемай (Geogr., III, 5, 9; 8, 13), у которого они встречаются при перечислении народов Средней Европы, и бывший во время разбираемых событий еще очень юным Кассий Дион (LXXII, 12, 1), рассказывающий о нападении на костобоков племени астингов; однако ни тот, ни другой автор (во всяком случае постольку, поскольку это касается сохранившихся отрывков Диона) ни словом не упоминают о вторжении костобоков в Ахайю. Так же обстоит дело и с позднейшими источниками; о нашествии костобоков на империю ничего не говорится ни в биографии императора Марка, приписываемой Юлию Капитолину (SHA, Marc., 22, 1), ни у Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 42), хотя оба источника упоминают имя костобоков. Причиной этого, как будет показано ниже, было, повидимому, то обстоятельство, что нашествие костобоков не было, за немногими исключениями, оценено по достоинству современниками и поэтому не вошло по-настоящему в древнюю историографию. Между тем большое количество эпиграфических свидетельств о нашествии костобоков, прямых и косвенных, показывают, что недооценивать значение вторжения костобоков в ряду других событий этой эпохи совершенно недопустимо.

Первым вопросом, который необходимо разрешить в связи с изучением нашествия костобоков, является вопрос о его хронологии. Только выяснив с наивозможной точностью дату нашествия костобоков, можно поставить это нашествие в связь с современными ему событиями как в римском, так и в варварском мире.

Однако вопрос о точной датировке нашествия костобоков является весьма сложным. До какой степени смутны существующие в науке представления о времени этого варварского нашествия, показывает хотя бы то, что некоторые совершенно неправильно относят его ко времени Антонина Пия². Между тем с несомненностью можно утверждать, что оно произошло при императоре Марке³, хотя точная датировка этого события определяется по-разному. Одни относят нашествия костобоков к 170—171, другие — к 175—176 гг. или даже позже. В пользу каждого мнения приводятся определенные доказательства.

Может показаться, что более точное определение даты нашествия костобоков излишне, но это совершенно неправильно. Перипетии Марко-

¹ Правда, Аристид не упоминает имени костобоков, но нет никакого сомнения, что «Элевсинская речь» относится именно к их разрушениям в Элладе.

² Так поступает, например, Lesrivain, *Études sur l'histoire Auguste*, 1904, стр. 119, который упомянутое в жизнеописании Антонина Пия восстание в Ахайю отождествляет с вторжением костобоков.

³ На это указывает хотя бы вышеприведенное место из Павсания (X, 34, 5), ибо совершенно очевидно, что если Мнесибул одержал победу на олимпийских играх в 161 г., он не мог быть убит раньше этого времени.

манских войн, которые представляли собой первое крупное столкновение римского мира с варварами, предвещавшее варварские нашествия III—V вв., настолько сложны и многозначительны, что здесь каждый год, каждая кампания приносили существенные изменения. Поэтому для того, чтобы вставить нашествие костобокков, принимавших участие в великом союзе варварских племен против Римской империи (SHA, Marc., 22, 1), на подобающее ему место, необходимо точно определить дату этого события.

Главную опору для датировки нашествия костобокков дает «Элевсинская речь» Э л и я А р и с т и д а. Написана она, как кажется, под свежим впечатлением совершившегося события. В Лаврентианском кодексе к концу этой речи приложен схолий, сообщающий, что «все это написано летом в Смирне в двенадцатый месяц [местного календаря] при гегемоне Макрине [Аристидом], имевшим от [роду] 53 [года] и 6 месяцев» (см. PIR, II, 314). Под гегемоном разумеется проконсул Азии. К сожалению, ни время, когда этот Макрин был проконсулом, ни год рождения Аристиды вполне точно не известны. Из описания комбинации созвездий, которая имела место в час рождения Аристиды, заключают, что он должен был родиться либо в 117, либо в 129 г. Так как сверх того из той же комбинации созвездий видно, что Аристид родился в марте или апреле, то можно заключить, что упомянутый Макрин был проконсулом либо в 170—171, либо в 182—183 гг. (проконсулы Азии вступали в свою должность в июле). Поскольку «Элевсинская речь» написана, повидимому, под свежим впечатлением варварского нашествия, первая датировка представляется более вероятной, так как вторжение костобокков произошло, без сомнения, при Марке. В пользу этой датировки говорит и эфесская надпись некоего Макрина¹, поставленная в 169—180 гг.² и, быть может, ранее 176 г.³ Настаивающие на более поздней датировке рождения Аристиды и относящие, следовательно, проконсульство упомянутого в приписке к речи Аристиды гегемона к 182—183 гг., вынуждены допускать грубую ошибку в рукописи и заменять Макрина Маркианом (Публием Юлием Геминием Маркианом). Высказывалось также предположение, что Аристид родился в 126 г.; в этом случае проконсульство упомянутого Макрина падает на 179 г.⁴, причем он может быть отождествлен с Марком Помпеем Макрином Неем Теофаном или с его сыном или внуком Марком Помпеем Макрином, ординарным консулом 164 г. Хотя такая датировка проконсульства Макрина и позволяет как будто относить нашествие костобокков к 175—176 гг., однако на основании других источников это последнее предположение представляется весьма мало вероятным.

Итак, «Элевсинская речь» Э л и я А р и с т и д а не дает возможности сама по себе решить вопрос о времени вторжения костобокков вполне определенно. Еще менее точно известие другого современника нашествия костобокков—Павсания. Из слов перизгета ясно только то, что Павсаний был современником нашествия и что оно произошло при императоре Марке поз-

¹ JOeAI, IX (1906), Beibl., 61 сл. = ILS, II, 2, 8830: «[Марка Нония] Макри[на], консула римлян, проконсула Азии, ... члена коллегии жрецов Антонина и Вера { Ἀντωνεῖν[ια]νὸν Οὐρητιανὸν συγκατηξίωμ[έ]νον φιλάτων ἱερέα = sodalem Antoninianum Verianum }, легата и комита величайш[е]го императора М[арка] Аврелия Антонина, гегемона и консуляра Верхне[й] Паннии, гегемона Нижней Паннии».

² Макрин именуется только sodalis Verianus.

³ Поскольку Макрин не имеет никаких dona militaria, хотя он и участвовал как comes в Маркоманской войне. Отождествляя этого Макрина с упомянутым в приписке к «Элевсинской речи» А р и с т и д а, предполагают, что надпись поставлена при отбытии его из провинции летом 171 г.

⁴ Это вытекает из расчетов Кейля (K e i l, Apollo in der Mylias, «Herm.», XXV, 1890, стр. 315—316).

же лета 161 г. Сделать какие-либо определенные выводы из хронологии отдельных книг Павсания также не представляется возможным. О костобоках у Павсания говорится только в приведенном месте X книги. Что нашествие костобоков на Элатею описывается именно здесь, вполне понятно, поскольку Элатея находится в Фокиде. Что в I книге, трактующей об Аттике, ничего не сказано о разрушении костобоками элевсинского храма, также вполне понятно, поскольку она написана, видимо, в 143—165 гг. Странно, однако, что ни в одной из последующих книг автор ни словом не обмолвился об этом выдающемся событии, хотя в других случаях, например, в отношении афинского Одейона¹, он упоминает наиболее выдающиеся события, совершившиеся по написании тех книг, в которых о них должно было бы говорить. Наконец, автор мог сказать о нашествии костобоков в IX книге, поскольку в ней говорится о Беотии, а варвары не могли миновать ее, когда шли на Аттику.

Что же касается времени написания отдельных книг Павсания, то поскольку V написана в 174 г. (P a u s., V, 1), а все книги писались, видимо, в том порядке, в котором они находятся сейчас, притом в короткий сравнительно промежуток времени, то очевидно, что все книги, начиная с VI, были написаны вскоре после 174 г., вероятно, в 175—17 гг.² Умолчание о костобоках говорит как будто в пользу более поздней датировки их вторжения в Элладу, чем 170—171 гг. Но ссылка на умолчание является слишком слабым аргументом, и объяснять это умолчание приходится чисто случайными причинами.

Другие литературные источники для датировки нашествия костобоков не дают ничего. У историков вторжение костобоков в Ахайю не упоминается совершенно³.

Что касается эпиграфических источников, то здесь особенно важна надпись Юлия Вегилия Юлиана (CIL, VI, 4, 2, 31856 = ILS, I, 1327). Она заслуживает того, чтобы привести ее целиком:

- 1 «Л[уцию] Юлию Ве[гил]ию Гр[ату]
- 2 Юлиану, пре[фекту] пр[етория], преф[екту]
- 3 ан[оны], заведующему финансами (a rationib[us]), преф[екту]
- ф[лота] п[рет]орского Мисенск[ого], пре[фекту]
- 4 флота прет[орского] Равен[нского], прокуратору Авг[уста]
- и пре[озиту] вексил[ла]-
- 5 тион[ы?] во время войны [Британской, пр]ок[уратору]
- Авг[уста] провинции

¹ P a u s., VII, 20, 6: «мною же в аттическом сочинении потому пропущен Одейон, что относящееся к афинянам было закончено мной еще прежде, чем Герод начал постройку».

² P a u s., VIII, 43, 6 слишком неопределенно, чтобы служить самостоятельным аргументом.

³ Некоторые хотят видеть намек на вторжение костобоков в обзоре больших варварских нашествий применительно к готской войне Валента у Аммиана (XXXI, 5, 15), однако это место, после которого непосредственно описывается гибель двух Дециев, относится скорее всего к готским войнам III в. Число судов, указанное у Аммиана, совпадает с числом судов экспедиции 269 г. Слова самого Аммиана (XXXI, 5, 10: «было бы достаточно перечислить наиболее яркие примеры, так как [для] сохранения памяти [о] событиях [explicandae rerum memoriae] везде должна быть надежная достоверность») показывают, что он вовсе не хотел дать полное перечисление всех варварских нашествий на империю, предшествовавших нашествию при Валенте, но собирался лишь показать наиболее разительные примеры (кимвры и тевтоны в эпоху республики, маркоманны при Марке, готы при Деции и Клавдии). Влияние реторики, под которым находился Аммиан, определило схематическое, а не хронологическое расположение событий в данном экскурсе, вследствие чего нашествие 269 г. и стоит ранее гибели Дециев.

- 6 Лусит[ании] и Ветт[онии, прокуратору А]вг[уста] и пре-
 позит[у]
 7 вексиллатионы в прок[уратору] Авг[уста]
 8 и префекту По[нтий]с[кого] флота, [прокуратору Августа
 (или Августов)]¹ и пре[позиту]
 9 вексиллатионы в Ахайе и Македонии
 10 [при походе] в Испании против кастобоков и
 11 мавров мятежных (adversus Castabocas et Mauros rebelles),
 препозиту вексиллатио-
 12 н во время войны Германской и Сармат[ской],
 13 преф[екту] алы Тампийской, преф[екту] алы Гер-
 14 кулесовской, триб[уну] когорт[ы] первой Ульпии (Ulpirae)
 пан-
 15 нонцев, преф[екту] когорт[ы] третьей Август[ы] (August[ae])
 16 фракийцев, получившему военные награды от Импе-
 17 [рато]ров Антонина и Вера (donis militaribus donato ab Impe-
 [rato]ribus Antonino et Vero) за победу
 18 [в Парфян]ской [войне] ([belli Parthi]ci), также от Антонина и
 19 [Коммода (ab Antonino et [Commodo]) за поб]еду [в] вой-
 [не Герм[а]нско[й]
 20 и Сарматской]....».

Надпись содержит перечисление должностей, {которые занимал римский всадник Юлий Вегилий Юлиан, причем они расположены в обратном хронологическом порядке, начиная с должности префекта претория и кончая должностью префекта III фракийской когорты. Отсюда вытекает, что Юлиан участвовал в Германской и Сарматской войне раньше, чем в военных действиях против костобокков и мавров. Труднее решить, какая из двух последних кампаний была раньше. Так как во время обеих кампаний Юлиан командовал одной и той же вексиллатионой, то эта часть надписи представляет собой, видимо, единство, внутри которого не действует обратный хронологический порядок расположения событий, что подтверждается прямым порядком событий в названии Германской и Сарматской войны, а также параллелями других надписей (CIL, II, 4114 = ILS, I, 1140). Отсюда вытекает, что Юлиан воевал с костобокками после своего участия в Германской и Сарматской войнах и до того, как ему пришлось воевать с маврами.

Под Германской войной подразумеваются военные действия против маркоманнов, квадов и других племен от вторжения варваров в Италию до прекращения военных действий на севере в связи с восстанием Авидия Кассия (166—175). Наименование Сарматской войны прилагается обычно, в частности, к военным действиям 175 г. против сарматов: только в этом году император Марк принял титул Сарматика. При таком истолковании приведенных в надписи Юлиана выражений было бы как будто необходимо предпочесть позднюю датировку вторжения костобокков, но против этого можно сделать два возражения: 1) крупные столкновения с сарматами-язигами имели место и раньше, например, в 170 г., когда в борьбе с ними пал Фронтон, и в 173—174 гг., когда римские войска были вынуждены вновь выступать против язигов; 2) двойное наименование войны 166—175 гг. превратилось, повидимому, в формулу и употреблялось постоянно, независимо от того, участвовало ли данное лицо в военных действиях на протяжении всей войны или только частично. Имея это

¹ Относительно восполнения см. ниже, стр. 62.

в виду, можно допустить, что Юлиан участвовал в Германской войне, затем был направлен против костобоков, а потом переброшен в Испанию; однако, поскольку Германская и Сарматская война длилась до 175 г., надпись Юлиана сама по себе не может еще дать определенного решения вопроса о дате нашествия костобоков. Необходимо обратиться к хронологии войны с маврами в Испании.

Только здесь впервые можно получить какие-либо более определенные результаты. В биографии Севера, приписываемой Спартиану, говорится: «после квестуры [он] получил по жребию Бетику и оттуда отправился в Африку, чтобы по смерти отца привести в порядок домашние дела. Но пока он находится в Африке, вместо Бетики ему назначается Сардиния, так как Бетику опустошали мавры» (SHA, Sev., 2, 3—4). В связи с военными действиями против мавров сенатская Бетика была отдана императору, взамен чего сенат получил Сардинию. Нашествие мавров произошло внезапно, в небольшой промежуток между городской квестурой и проквестурой Септимия Севера. Последняя относится, надо полагать, к 173 г.¹ В таком случае нашествие мавров должно было иметь место, по всей вероятности, в конце 172 г. В 173 г. в Ламбезисе в стоявший здесь легион, как показывает надпись 198 или 199 г., было принято необычно много рекрутов². Это было сделано под давлением военной необходимости, которая возникла в результате нашествия мавров на Испанию, тем более, что легион был ослаблен вследствие высылки вексиллатионы под начальством Плавтия Феликса для участия в Маркоманской войне³. К 174 г. наиболее острая опасность прошла, так как некоторые африканские части были отозваны; на это указывает африканская надпись от мая этого года⁴. Можно предположить, что африканские подразделения из сильно ослабленного легиона III Августа были отозваны именно потому, что пришли свежие войска из других областей империи, в частности, вексиллатиона Вегилия Юлиана. В таком случае переброска вексиллатионы Юлиана с Балканского полуострова на Пиренейский должна была произойти не позже 173—174 гг., а отсюда следует, что раннюю датировку нашествия костобоков следует решительно предпочесть поздней. Сопоставляя полученные данные с одной из трех возможных датировок «Элевсинской речи» А р и с т и д а, нашествие костобоков следует отнести к лету 170 г.⁵

Что касается общей политической обстановки, способствовавшей проникновению сравнительно небольшого варварского народа вплоть до Афин, то как раз в 170 г. она была особенно благоприятной. В это время после гибели Клавдия Фронтоня, наместника трех Дакий и Верхней

¹ Это заключается с большой вероятностью из *cursus honorum* Септимия Севера.

² *CIL*, VIII, suppl., 2, 18068: далеко неполный список ветеранов (всех должно было быть около 330), вступивших в *legio III Augusta* при консулах Гнее Клавдии Севере во второй раз и Тиберии Клавдии Помпеяне во второй раз, т. е. в 173 г.

³ *CIL*, VIII, 1, 1619 = *ILS*, I, 2747: «препозит вексил[латионы] лег[иона] III Авг[усты] у маркоманнов». Эта вексиллатиона служила оккупационным корпусом.

⁴ *CIL*, VIII, suppl., 3, 21567: «уже [вернувшись], [...] испол[няю] м[ои] обеты до[л]жные, которые я давал все[м] богам, выступая»; и на стороне: «чтобы знал [ты], кто бы [ты] ни был, [кто] в этой экс[пе]диции остался [це]л[...]; и далее: «написал [при] Фл[ак]не и Га[лле] консулах в... день перед июн[ьскими] к[ал]ендами». Однако заключать на основании этого, что война с маврами в Испании была полностью закончена, нет нужды; наоборот, можно предполагать, что она продолжалась вплоть до начала совместного правления Марка и Коммода. Этому вопросу автор настоящей статьи собирается посвятить специальное исследование.

⁵ Из всего сказанного следует, что восполнение, принятое Дессау (*ILS*, I, 1327) в 8-й строке надписи Юлиана (*Augg.*), возможно, но не обязательно, так как вполне определенно, что Юлиан начал военные действия против мавров во время единоличного правления Марка, но неясно, когда именно он их окончил.

Месии, павшего в борьбе с варварами, весьма значительные силы были стянуты в Дакию, которой угрожала наибольшая опасность; благодаря этому оборона Нижней Месии была значительно ослаблена, и это помогло костобокам безнаказанно перейти через нижнее течение Истра и, пройдя через Месию, Фракию и Македонию, достигнуть Ахайи. Действительно, по некоторым данным можно установить, что костобоки двигались именно вдоль западного побережья Понта и, таким образом, должны были перейти Истр в нижнем течении. Иначе обстояло дело в 175—176 гг. В 175 г. император Марк все время находился на дунайской границе, где он и получил известие о гибели Авидия Кассия: трудно предположить, чтобы в присутствии самого императора и притом тогда, когда основные военные действия на дунайской границе были уже завершены, костобоки решились перейти границу империи или, тем более, сумели исполнить это предприятие. Еще менее благоприятные условия для нашествия костобокков имели место в 176 г., когда уже около года не было войны и когда все легионные гарнизоны стояли в своих провинциях. Таким образом, и общая политическая обстановка заставляет принять более раннюю датировку нашествия костобокков (170).

Установив точную дату нашествия костобокков, можно перейти к рассмотрению сравнительно скудных данных об этом племени, о его вторжении в пределы Римской империи и к оценке исторического значения этого события. Проблема локализации костобокков представляет весьма значительные трудности и не может в настоящее время считаться окончательно решенной. В новой историографии одни помещают костобокков на верхней Тиссе, т. е. к северу от провинции Дакии, другие — на северо-западном берегу Понта, третьи — на восточном краю Карпат; существует, наконец, мнение, что одно племя костобокков жило на Висле, а другое — к востоку от Семиградья, т. е. от римской провинции Дакии. Истолкование античных данных по этнографии Средней и Северной Европы представляет еще значительные трудности и может стать на твердую почву лишь при систематическом археологическом обследовании изучаемых местностей, и притом не только с точки зрения местных культур, которые, имеют, разумеется, решающее значение при этнографическом разграничении населения варварских областей, но и с точки зрения предметов, ввезенных из сферы античной культуры, поскольку изучение путей проникновения греческих и римских товаров на север должно способствовать истолкованию взаимного расположения племен в географических сочинениях типа трудов Страбона, Помпония Мелы или Птолемея¹. Этнография Прикарпатья в первые века н. э., — а подавляющее большинство исследователей, несмотря на различие в точках зрения, помещают костобокков так или иначе в районе Карпат — изучена еще недостаточно, и это затрудняет уверенное решение вопроса о локализации костобокков.

Разногласия, существующие в новой историографии по вопросу о локализации костобокков, объясняются разноречивыми сведениями античных авторов. У Птолемея, например, костобоки упоминаются дважды, но в обоих случаях локализируются различно. В одном месте костобоки помещаются к северу от Карпатских гор. «Восточнее же названных [племен, населяющих Сарматю и живущих в области, простирающейся от Вистулы до Карпатского хребта] живут под венедами опять [?] галинды и судины и ставаны до аланов, под ними игиллионы, потом койстобоки и трансмонтаны до

¹ Полный обзор римских предметов, найденных на землях, населенных ныне славянами, см. M a j e w s k i, Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich, 1949; см. B i l i Ń s k i, Drogi świata starożytnego ku ziemiom słowiańskim w świetle starożytnych świadectw literackich, «Arc heologia», I (1947), стр. 147, 164.

Певкинских гор» (Ptol., Geogr., III, 5, 9): Другое известие Птолемея помещает костобоков на севере Дакии, т. е. к югу от Карпат: «Населяют же Дакию [на] крайнем севере, начиная с запада, анарты и тевриски и койстобоки» (III, 8, 3). В первом случае племена расположены в меридиональном направлении, с северо-запада на юго-восток, от венедов, живущих по берегу Венедского залива (III, 5, 7), т. е. Балтийского моря, до Певкинских гор, которые отождествляются с восточной частью Карпат (Птолемей не видит в Карпатах единой горной системы и разделяет их на Сарматские, Карпатские и Певкинские горы, идущие в таком порядке с запада на восток). В таком случае костобоков и трансмонтанов следует помещать к северу и северо-западу от восточной части Карпат. Во втором случае племена перечисляются в широтном направлении, с запада на восток, так что костобоки оказываются на северо-востоке Дакии, т. е. к югу от Карпат. Большинство исследователей клало в основу своих рассуждений одно из этих мест и, дополняя его данными других авторов, делали отсюда заключения о месте жительства костобоков. Другие принимали во внимание оба места и заключали отсюда о наличии двух племен костобоков, разделенных значительными пространствами земли или, по крайней мере, Карпатским хребтом¹. Это последнее мнение представляется из всех предшествующих наиболее близким к истине, тем более, что обе местности, в которых, по данным Птолемея, можно локализовать костобоков, расположены симметрично по обеим сторонам Карпатского хребта, который является их границей. Необходимо, однако, отметить, что все предшествующие исследователи при локализации костобоков не учитывали двух моментов: одновременности источников, легших в основу «Географии» Птолемея, и движения костобоков к югу в процессе общего смещения племен Средней Европы в середине II в. Если предположить, что костобоки, двинувшись со своих первоначальных мест обитания у восточного края Карпат, а это является наиболее вероятным предположением (см. стр. 57), в обход Карпатских гор, проникли в северо-восточную Дакию, укрепились там, вклинились затем в свободное пространство между восточной границей римской Дакии и Истром и оттуда совершили набег на внутренние провинции империи, то различные данные античных авторов и различные мнения современных исследователей находят исчерпывающее объяснение. Таким образом, можно попытаться решить проблему локализации костобоков и без предположения о двух частях племени, разделенных Карпатским хребтом.

Этническая принадлежность костобоков не вполне ясна: быть может, они были, подобно бастарнам, кельто-фракийским племенем², вполне возможно также, что они были родственны фракийским дакам, хотя об этом нельзя заключать лишь на основании того, что царский род костобоков

¹ Такого мнения придерживается, например, L u s t h a u s, *Brązowa rączka wotywna z Myszkowa*, «Arch.», I, 180, который из двух приведенных свидетельств Птолемея выводит, что костобоки жили по обе стороны Карпат, ссылаясь при этом на работу Домашевского (D o m a s z e w s k i, *Text zur Markussäule*, стр. 122 сл.), где указывается, что римляне сталкивались с костобоками и к северу и к югу от Карпат. На той же точке зрения стоит и Б и л и н с к и й («Arch.», I, 163), который считает, что название трансмонтаны, взятое Птолемеем, без сомнения, из латинского источника, не представляло там особого племенного наименования (таким оно сделалось только в тексте Птолемея), а было лишь эпитетом живших по ту сторону Карпат костобоков (сходным образом племя анартофрактвов появилось лишь как искажение латинского выражения *Anartes fracti*). Таким образом, по мнению Билинского, наряду с костобоками, жившими на севере Дакии, существовали еще костобоки-трансмонтаны, обитавшие за Карпатскими горами.

² П. Н. Третьяков, *Восточно-славянские племена*, 1948, стр. 56.

был в свойстве с царским родом даков¹. Напротив, сопоставление их с сарматами представляется менее вероятным². Культура «полей погребений», частично захватывающая область расселения костобокров, как эта последняя должна быть нанесена на карту на основании первого свидетельства Птолемея, относящегося к первоначальной родине костобокров, сохраняет в первые века нашей эры скифский характер, причем в области Прикарпатья ее носителями были, возможно, иллирийские и дако-фракийские племена. Ни в коем случае нельзя представлять отдельные этнические элементы варварской Европы существовавшими независимо друг от друга; наоборот, они находились в постоянном соприкосновении и взаимодействии. На это указывал еще Страбон³. Все это показывает, что вопрос об этнической принадлежности костобокров нельзя решить пока вполне определенно.

Об образе жизни и общественном строе костобокров судить трудно. По данным Птолемея, они жили на границе земледельческой культуры «полей погребений». Быстрота, с которой они проникли с берегов Прута и Серета вплоть до Аттисы, быть может, указывает на то, что они были кочевым племенем. По своему общественному строю они находились, по всей вероятности, на стадии разложения первобытно-общинного строя. «Цари» костобокров были, скорее всего, лишь племенными предводителями, напоминая в этом отношении басилеев гомеровской Греции, современных им сарматских царей и т. д. Постоянное состояние войны, характерное для эпохи разложения первобытно-общинного строя, формирование племенной знати, стремление к добыче и накоплению богатств были основными общими предпосылками, толкнувшими костобокров к вторжению на территорию империи.

Непосредственной причиной вторжения костобокров была общая политическая обстановка, сложившаяся в середине II в. в Средней Европе. В это время с нижней Вистулы к берегам Понта Евксинского двинулись готы⁴. Готские племена, вступившие в борьбу с народами, жившими на границах империи, привели в движение всю массу варварских племен Средней Европы. К середине 60 гг. II в. образовался обширный союз варварских племен против Рима, куда входили и костобоки⁵. Вторжение

¹ *CIL*, VI, 1,1801 = *ILS*, I,854: «б[ога]м М[анам]; Зиц, Тиата доч[ери], дакийке, супруге Пиенора, царя коистобокского, бабке [своей] дражай[шей], м[ного] д[остойной], Натопор и Дрильгиса постав[или] ([*Natororus et Drilgisa aviae cariss[imae] b[ene] m[erenti] fecer[unt]*)). Разумеется, речь идет о независимых даках, живших к востоку от римской провинции. Надпись эта найдена в Риме, точной датировке не поддается, но, возможно, ее следует сопоставлять с событиями, последовавшими за нашествием костобокров (см. ниже, гр. 69).

² Вряд ли в свете всего сказанного выше можно отождествлять их с котабакхами (*Cotobacchi*), упоминаемыми Плинием (NH, VI, 19) в числе сарматских племен, живущих на берегах Танаида, а также делать заключения о близости их к сарматам на том основании, что Аммиан Марцеллин упоминает их рядом с европейскими аланами (XXII, 8, 42: «в срединном же пространстве лука находятся европейские аланы и костобоки и бесчисленные племена скифов»).

³ *Strabo*, VII, 3, 2, стр. 296: «ибо и ныне смешались эти народы [скифы и сарматы] с фракийцами, а также бастарские [народы], более, конечно, с теми, что за Истром, но и с теми, что по эту сторону [Истра]».

⁴ П. Н. Третьяков, Восточно-славянские племена, стр. 65, относит начало движения готов ко времени Маркоманской войны.

⁵ *SNA*, Marc., 22, 1: «все племена от границы Иллирика вплоть до Галлии составили заговор, а именно маркоманны, варисты, гермундуры и квады, свебы, сарматы, лакринги и буры, те и другие с виктуалами, осы, бессы, коботы, роксоланы, бастарны, аланы, певкины, костобоки». Из перечисленных народов лакринги здесь названы, видимо, по ошибке, поскольку определено известно, что лакринги были в союзе с римлянами (*Dio*, LXXI, 11, 6: «что пришли и астинги и лакринги на помощь Марку»).

костобоков было составной частью общего наступления варварских племен против империи.

В процессе общего смещения варварских племен Средней Европы к югу и столкновения их с империей костобоки тоже продвинулись со своих первоначальных мест обитания к востоку от Карпат в сторону римской границы. Доказательством того, что по крайней мере значительная часть племени костобоков покинула свою родину, является то обстоятельство, что астинги немедленно после столкновения с ними вернулись в Дакию, где они (т. е. астинги) оставили жен и детей, и подвергли ее опустошению¹. Можно предполагать, что костобоки вклинились в свободное пространство между восточной границей римской Дакии и Истром. Отсюда, перейдя через Истр и миновав римскую военную границу, ослабленную переводом стоявшего на нижнем течении Истра V Македонского легиона в Дакию, они вступили на территорию римских провинций. Таким образом, именно тяжелое положение, в которое попала империя в результате напора варваров на Дакию и Верхнюю Месию, дало костобокам возможность перейти границу империи. В силу этого же обстоятельства нашествие костобоков затронуло провинции, оставшиеся в стороне от опустошений, вызванных Маркоманскими войнами, — Нижнюю Месию, Фракию, Македонию и Ахайю.

Дальнейший путь костобоков можно проследить по отдельным эпитафическим свидетельствам. Перейдя Истр, костобоки двинулись прежде всего в так называемую Малую Скифию, причем здесь их нашествие привело прежде всего к тому, что местные даки стали захватывать земли у римских колонистов. Будущий император Гельвий Пертинакс, бывший наместником двух Месий, а затем наместником Дакии, вынужден был «умиротворять» Малую Скифию, восстанавливая прежний порядок и возвращая захваченные земли старым владельцам². Таким образом, на территории Нижней Месии нашествие варваров-костобоков слилось с движением низших слоев провинциального населения, направленным против римского владычества и римской колонизации.

На следующий этап движения костобоков указывает надгробие человека, который упоминается в эпитафии как «убитый кастабоками»³. Надпись эта, найденная на месте древнего города, именованного Тропеем Траяна, дает прочную веху для установления пути движения костобоков через Нижнюю Месию. Из Месии, перевалив Гем, костобоки перешли во Фракию. Важнейшие римские гарнизоны остались теперь позади, и костобокам было легко продвигаться через незащищенные внутренние провинции, пересечь Македонию и достигнуть Ахайи. Как именно костобоки двигались через Фракию, сказать трудно: попытки доказать, что они шли вдоль берега Понта, недостаточно обоснованы источниками⁴. Из

¹ Dio, LXXI, 12, 1: «победив же их [костобоков], нисколько не меньше опустошили и Дакию».

² CIL, III, suppl., 4, 14437, 2; см. А. Д. Дмитриев, ВДИ, 1949, № 1, стр. 82—83.

³ CIL, III, suppl., 4, 14214=ILS, II, 2, 8501: «б[ога]м М[анам]; Даизи Комозои жил 50 лет [an[nos] L), убитый кастабоками; отцу м[ного] д[остойному] поставили Юст и Вал[ерий?] (Iustus et Val[erius?] patri b[ene] m[erenti] posuerunt)»; надпись найдена в Адамклинсе на месте города Tropaenum Traiani в Нижней Месии.

⁴ Премерштейн (P r e m e r s t e i n, Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Marcus, «Клио», XII, 1912, стр. 143; 155; 163), доказывая, что костобоки двигались вдоль берегов Понта, стремится этим подтвердить свою гипотезу об одновременном сухопутном и морском нашествии костобоков. Он ссылается на надпись из Аполлонии (SchB, IV, 1906, стр. 142, № 156), в которой говорится о восстановлении города «после опустошения» (μετά τῆν ἐκπτώσιν); однако слово ἐκπτώσις может означать и «упадок» и «несчастье», а потому надпись, возможно, имеет в виду чуму, затронувшую, наряду

Фракии костобокы перешли в Македонию¹, пересекли ее и достигли Ахайи. Снова после долгого промежутка времени варвары вступили на территорию Эллады.

Костобокы, видимо, миновали Фессалию, прошли через Фермопилы и вступили на территорию Средней Греции. Здесь их добычей сделалась в первую очередь Фокида. По словам П а в с а н и я (X, 34, 5), костобокы подошли, между прочим, к городу Элатее в Фокиде. Лишенный, разумеется, какого-либо гарнизона, город был предоставлен своей собственной участи. Гражданин Элатеи Мнесибул, неоднократно одерживавший перед тем победы в беге, в том числе и на олимпийских играх, наскоро собрав лох из своих сограждан, выступил против варваров. Нанеся им значительный ущерб, он пал в битве².

Костобокы двинулись через Беотию в Аттику, рассыпавшись по всей стране и предавая ее разграблению (Павсаний со свойственным античному человеку презрением к варварам именуется их разбойниками). В Аттике они разрушили знаменитый храм мистерий в Элевсине, построенный Периклом; судьбу этого храма оплакивает Э л и й А р и с т и д в своей «Элевсинской речи». Дальше костобокы, повидимому, не пошли; в Пелопоннес проникнуть им не удалось.

Как уже было указано выше, нашествие костобоков относится к первому акту грандиозной драмы, завершившейся падением Римской империи под ударами варварских народов. Даже такие отдаленные провинции, как Ахайя, не были свободны от угрозы варварского нашествия. Есть основания предполагать, что оружие варваров затронуло даже такую далекую и к тому же отделенную морем от Европы провинцию, как Азия. «Воинственнейшие племена»³, как они именуется на триумфальной арке Марка Аврелия, напирала с севера на империю, и нашествие костобоков было одним из эпизодов этой тяжелой борьбы.

Эллада была захвачена врасплох варварским нашествием. Римского гарнизона в Ахайе не было. Пришлось довольствоваться местными средствами. Кое-где против костобоков выступало ополчение эллинских городов, как показывает пример Мнесибула в Фокиде. Только в самый разгар нашествия центральное правительство направило против костобоков вексиляцию под командованием Луция Юлия Вегилия Грата Юлиана⁴. Юлиану удалось вытеснить их из Ахайи, тем более, что пре-

с другими провинциями, и Фракию. Посвящение Нептуну в надписи CIL, III, suppl., 4, 14433, П р е м е р ш т е й н («Клио», XII, 143) объясняет тем, что незадолго до того была одержана морская победа над костобоками. Однако воинское соединение, поставившее посвящение Нептуну Августу, — вексиляция легионариев, а не отряд какого-либо флота, а место, в котором оно поставлено, — город Трораеш Траiani в Нижней Месии, сравнительно далеко расположенный от моря. Нептуна, упомянутого в посвящении, следует связывать с местным божеством, отождествленным с эллинским Посейдоном вследствие того, что и тот и другой были покровителями коней. Ср. I u l. V a l., I., 49.

¹ Впрочем, надпись ILS, II, 2, 8868 = IGR, III, 1420. не имеет, видимо, никакого отношения к борьбе с костобоками в Македонии: упоминаемая в ней Παιονία должна быть отождествлена не с северомакедонской Пайонией (Παιονία), а с Паннонией, которая в греческих источниках обычно именуется также Παιονία; о костобоках в надписи ничего не говорится.

² Этот Мнесибул (или Мнасибул), помимо Павсания, известен еще из надписи своего сына, BCH, XI (1887), стр. 342: «Мнасибул[а, сына] Мнасибу[ла], дважды перио[дони]ка, лучше[го из элл]инов...»

³ CIL, VI, 1, 1014 = ILS, I, 374: «bellicosissimae gentes».

⁴ CIL, VI, 4, 2, 31856 = ILS, I, 1327. На то, что Юлиан вступил в борьбу с костобоками уже после проникновения их в пределы Ахайи, указывает, быть может, порядок перечисления провинций, на территории которых Юлиан действовал против костобоков («per Achaïam et Macedoniam»). Кроме того, костобокы вряд ли сумели бы проникнуть в Среднюю Грецию и, в частности, пройти через Фермопилы при наличии римской вексиляции в пределах Ахайи. Пример Леонида достаточно пока-

бывание в разоренной стране и не входило в планы костобоков. Их нашествие на Ахайю было обыкновенным набегом, характерным для периода разложения первобытно-общинного строя, когда «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ... ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»¹. Костобоки отступили из Ахайи в Македонию, куда за ними последовал Юлиан, оттуда во Фракию², а затем и совсем покинули пределы империи³.

Вторжение костобоков произвело сильное впечатление на наиболее прозорливых патриотов эллинской культуры, не меньшее, чем за несколько столетий перед тем нашествие галатов или позднее нашествие герулов. Древняя Эллада, метрополия античной цивилизации, оказалась беззащитной перед сравнительно небольшими отрядами варваров. Мир, которым пользовались внутренние провинции на протяжении двух столетий, вдруг оказался непрочным и ненадежным. Элий Аристид, находясь в это время в пределах провинции Азии, горько скорбит о том, что варвары вступили на территорию Атики, чего не было со времен Мидийских войн. Но так думали только единицы. Большая часть населения городов Эллады, не говоря уже о других провинциях, погруженная в свои

зателен, тем более, что неорганизованную орду костобоков вряд ли можно сопоставить с многотысячной ратью Ксеркса. Очевидно, Юлиан вступил в борьбу с костобками на территории Ахайи и затем последовал за отступающими в Македонию.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 170.

² О борьбе с костобками на территории Фракии говорит усиленное строительство укреплений Филиппополя, завершенное под влиянием опасности в 172 г., *CIL*, III, 2, 6121=III, suppl., 1, 7409=SchB, IV, 25, № 29: «Имп[ератор] Кесарь М[арк] Аврелий Антонин [Август Германик], имп[ератор] V [раз], ко[н]сул V [раз], о[тец] о[течества], дал[е] ст[ену] городу Филиппопол[ю], Пантулей Гра[птиак], лег[ат] Авг[уста] за пр[етора], наблюд[ал] за[] воздвигн[е]нием [стены]. Филиппополь, [город] Фракии, и[з] данных[] ему божественны[м] Марком Аврелием Антонином Авг[устом] Германико[м] д[е]нег [воздвиг, когда] упра[влял] народом [т. е. провинцией] Пантулей Гра[птиак]». Датировка надписи определяется титулом *Germanicus*, который Марк принял в 172 г., с другой стороны, *imperator* V, стоящее в латинской части надписи и поставленное резчиком по незнанию, поскольку VI провозглашение Марка Аврелия императором произошло, судя по монетам, еще в 171 г., делает невозможным отодвигать эту надпись далеко от 171 г. и заставляет считать датировку ее 172 годом наиболее вероятной. Долговременное господство рах *Romana* привело к тому, что укрепления внутренних городов постепенно разрушались; их теперь пришлось спешно восстанавливать. Указанное известие гораздо удобнее сопоставлять с нашествием костобоков, нежели с общим нарастанием военной опасности на границах империи (как это делает *W e b e r*, *The Antonines*, *САН*, XI, 1936, стр. 352); в эти годы основной напор варваров сосредоточивался на верхнем и среднем Дунабии, и опасности подвергалась преимущественно западная часть Балканского полуострова; только нашествие костобоков показало, что нельзя безнаказанно ослаблять оборону на нижнем Дунабии, и заставило укреплять фракийские города.

³ Нашествие костобоков ограничивалось Балканским полуостровом. Попытки *Премерштейна* («Клио», XII, 143, 155, 163) доказать, что военные действия против костобоков велись не только на суше, но и на море, и, в частности, что костобоки совершили карательный поход в Африку, следует признать несостоятельными. В надписи из Симиита говорится о пребывании в Африке некоего костобка или вскормленного среди костобоков (*CIL*, VIII, suppl., 1, 14667: «[богам] М[анам] по[с]вящение; Сал[люстий], К[ая] сын, из] К[вириной] трибы, Фор[гу]н[атиан] Костоб[оки]он, так как он [в]скормлен среди костобоков»; далее неразборчиво). Речь идет или о выселенце из дунайских провинций, или, еще более вероятно, о воине, завербованном в римские войска на берегах Данубия, а может быть, об отпущеннике варварского происхождения. Командование Юлиана ограничивалось сушей (*CIL*, VI, 4, 2, 31856), поскольку военные силы, находившиеся в его распоряжении, состояли лишь из одной *вексиллатионы*. При двойном командовании на суше и на море это обычно указывалось специально (II, 4114=ILS, I, 1140; ср. *CIG*, II, 2509).

местные интересы, не обратила внимания на проникновение варваров вплоть до Элевсина. Нашествие костобоков казалось им явлением случайным, им трудно было представить возможность гибели античного мира под ударами варваров. Аристид упрекает эллинов в беспечности и равнодушии перед лицом наступающей опасности: «О, [вы] и древле и ныне поистине дети, эллины, что остались равнодушны при наступлении такого несчастья. Ныне же, о, достойные удивления, вы не будете дома у себя самих? Не придется ли спасать вам сами Афины?» (А г., Отг., I, 455 С). И даже переищет Павсаний, тщательно изучавший эллинские святыни и достопримечательности, нашел нужным упомянуть о вторжении костобоков лишь при описании одного из городов Фокиды.

Такие люди, как Аристид или противник христианства Цельс, ясно видели, какая угроза для античной цивилизации таится в окружающем ее варварском мире. Однако на данном этапе опасность была скоро предотвращена. Уже с начала 70 гг. II в., вскоре после вторжения костобоков, если следовать ранней, безусловно более вероятной, датировке, начинается отлив варварского движения, ослабевает напор варваров на границы римского мира. На этот раз империя была спасена и на несколько десятилетий получила относительный покой.

Что касается самих костобоков, то они вскоре после 170 г. подверглись нападению вандалского племени астингов. «...Астинги, которыми предводительствовали Рай и Рапт, пришли в Дакию, чтобы поселиться [место несколько испорчено], в надежде получить и богатства и землю в качестве союзников; не получив же этого, поручили жен и детей Клементу, намереваясь захватить оружием землю костобоков; победив же их, нисколько не меньше опустошили и Дакию» (D i o, LXXI, 12, 1). Это событие следует поставить в связь с изгнанием костобоков из Ахайи, причем его обычно относят к концу 171 — началу 172 гг. В таком случае нужно предположить, что астинги напали на костобоков, недавно вернувшихся из похода в глубь империи. Однако еще более вероятно, что поход астингов относится к рубежу 170—171 гг. и произошел в то время, когда основная военная сила костобоков еще не успела вернуться домой. Упомянутый у Диона Секст Корнелий Клемент стал наместником трех Дакий в 170 г. после гибели Фронтоня; под этим годом он упоминается, как таковой, в одной надписи. Таким образом, вполне возможно предположить, что война астингов с костобоками относится к концу 170 — началу 171 гг. В доказательство этого можно привести и то, что астинги, по сообщению Диона, не получив земли в римской Дакии, пытались захватить именно землю костобоков, а это можно было сделать удобнее всего в то время, когда основная масса племени находилась за пределами своих владений. Вполне возможно, что астинги действовали по непосредственному наущению римской власти, которая стремилась одновременно избавить империю от их нашествия и нанести сокрушительный удар в тыл костобокам. Впрочем астинги, победив костобоков, тяжело опустошили и самое Дакию, но были вслед затем разбиты лакрингами, так что не могли больше предпринимать каких-либо враждебных действий против римлян. Можно предполагать, что упомянутая в надписи царица костобоков, которая прибыла в Рим вместе с членами своей семьи (CIL, VI, 1, 1801 = ILS, I, 854), оказалась здесь в результате военных действий астингов против ее племени¹. Костобоки в результате борьбы с астингами могли быть

¹ Все это еще раз подтверждает раннюю датировку нашествия костобоков. При поздней датировке предполагается, что нашествие костобоков произошло после нападения на них астингов, и это последнее из следствия обращается в причину: костобоки вторглись в империю, мстя за нападение на них римских союзников. Однако все это

отброшены за Карпаты, хотя определённых данных для этого нет; вотивная надпись помощника центуриона римской когорты, обнаруженная на территории Западной Украины, вряд ли имеет к ним отношение (см. L u s t h a u s, «Arch.», I, 184). Вторжение костобоков в Ахайю окончилось печально для них самих, но оно вместе с тем показало, насколько слаба империя, которая не смогла предотвратить проникновение небольшого варварского племени в самое сердце античной цивилизации.

Нашествие костобоков проливает свет на состояние балканских провинций Римской империи при императоре Марке, показывает недостатки имперской обороны и помогает уяснить положение, в котором Римская империя находилась в разгар Германской и Сарматской войны. Нашествие костобоков было первым значительным проникновением варварских народов Средней Европы на территорию балканских провинций Римской империи: так далеко, как костобоки, не проникало ни одно варварское племя до великих варварских нашествий середины III в. Таким образом, нашествие костобоков представляет собой одно из первых проявлений того грандиозного столкновения римского и варварского мира, которое окончилось разрушением Западной Римской империи и гибелью рабовладельческого строя.

построение чрезвычайно сомнительно: помимо чисто хронологических соображений (ср. выше), трудно предположить, чтобы костобоки, ослабленные нападением астингов, смогли после этого предпринять вторжение в Римскую империю и проникнуть вплоть до Ахайи,